

Александр Алексеевич Журавлёв
(Санкт-Петербургский государственный медицинский университет)

Записка министра народного просвещения Александра Николаевича Шварца по вопросу студенческих организаций

Słowa kluczowe: Aleksandr Nikolajewicz Szwarc, Imperium rosyjskie, organizacje studenckie, uniwersytet.

Keywords: Aleksandr Nikolaevich Shvarts, Russian Empire, student organizations, university.

На протяжении всего XIX столетия российское министерство народного просвещения вынуждено было решать сложную проблему. Она заключалась в том, что для развития страны необходимы были дипломированные специалисты, и это заставляло правительство открывать новые высшие учебные заведения. Но, вместе с этим, студенты становились питательной средой для революционных движений и партий. В зависимости от внутренней ситуации в стране правительство то предоставляло больше прав и свобод студентам, то наоборот ограничивало. Университетские уставы предусматривали предоставление студенчеству прав на общественные объединения. Государство стремилось ограничить их деятельность научной, культурной и взаимопомощью. В начале XX века правительство стремилось ограничить автономию университетов, особенно после роста студенческих выступлений конца XIX столетия. Начавшаяся первая русская революция заставила власть отказаться от этого, и предоставить университетам больше свободы. Это касалось переложения на Советы контроля за поведением студентов, разрешение поступать в высшие учебные заведения женщинам и многие другие права, которые действовали в европейских университетах.

После того, как революционное движение было подавлено, правительство вновь возвращается к идее ограничения студенческой вольности. В период с 1908 – 1911 года, в материалах министерства народного просвещения встречается несколько аналитических записок, которые рассматривали положение в студенческом движении и необходимые меры правительства для ужесточения контроля за ним. Представленный документ формулирует практически основные

задачи для ограничения самостоятельности студенчества. Вероятнее всего, данная точка зрения не могла быть реализована в тех условиях, но фактически следующий министр народного просвещения Л.А.Кассо реализовал это план, ограничив автономию университетов в 1911 году.

Представленный ниже документ хранится в Российском государственном историческом архиве (Санкт-Петербург) в делах фонда министерства народного просвещения. Записка написана министром народного просвещения А.Н.Шварцем, находится в рукописном и отпечатанном на пишущей машинке варианте¹. Он позволяет понять взгляды министерства на студенческое движение, а также меры, которые, по мнению власти, могли привести к успокоению студенчества.

Записка

Беспорядки, производимые учащимися в высших учебных заведениях, издавна составляли глубокую язву нашего учебного дела. Правительство принимало разнообразные меры для борьбы с этим злом, как путём издания отдельных распоряжений, так и путём несколько раз повторявшихся изменений уставов высших учебных заведений и их строя. Но, не смотря на все эти мероприятия, зло продолжало расти и беспорядки в высших учебных заведениях продолжали множиться и шириться. С особенной интенсивностью пошло развитие беспорядков с 1899 года, и кульминационного пункта беспорядки достигли в 1904-1905 годах.

Характерной особенностью всех волнений в наших высших учебных заведениях во все период являлось то, что они возникали лишь в редких случаях на почве собственно академической; в огромном же большинстве случаев они являлись отражением различных событий общественной и политической жизни страны. Нередко волнения и беспорядки прикрывались причинами и поводами чисто академическими (недостатками уставов, стеснительностью правил надзора и тому подобно); но по существу они обыкновенно имели в основании причины, с академической жизнью ничего общего не имеющие. Таким образом, вожаки различных политических течений в русской жизни приучали учащуюся в высших учебных заведениях молодёжь смотреть на себя как на передовую рать в борьбе с правительством за народную свободу; и само общество привыкло видеть в учащейся молодёжи чувствительный барометр общественных настроений. Поэтому волнения и беспорядки в высших учебных заведениях почти никогда не вызывали протеста в русском интеллигентном обществе, но, наоборот, возбуждали в нём более или менее открытое сочувствие. При таких условиях наши высшие учебные заведения из храмов науки естественно превращались в очаги политического брожения. При этом по свойству молодёжи, в этих очагах скоплялись наиболее горячие последователи самых крайних политических партий, готовые на всякие эксцессы. И в других отношениях учащая молодёжь высших учебных заведений представляла собой в высшей степени удобную почву для политической пропаганды и крайне ценный объект «для политического воспитания». Учащая молодёжь до последнего времени представляла собой, собственно, единственную у нас реальную организованную силу, способную к

¹ Российский Государственный Исторический Архив, zesp. 73, inw. 226, sygn. 137, k. 24 - 34.

систематическим массовым выступлениям в целях воздействия на правительство. И эту силу усердно воспитали и в нужные моменты использовали вожаки «освободительного движения», не останавливаясь перед тем, что втягивая высшие учебные заведения в политическую борьбу, они предавали полному разрушению «храмы науки».

При таком положении дела естественно, что мероприятия правительства в целях упорядочения академической жизни в высших учебных заведениях успеха не имели. Более этого: к величайшему сожалению приходится признать, что некоторые мероприятия имели последствия совершенно обратные ожидаемым – они содействовали не успокоению взволнованной академической жизни, но полному её расстройству и окончательному превращению учебных заведений в очаги политической смуты.

В январе 1905 года вследствие бурных проявлений беспорядков почти во всех высших учебных заведениях, правительство вынуждено было закрыть их до конца учебного полугодия. Вместе с тем, правительство поставлено было в необходимость немедленно изыскать меры к восстановлению совершенно прекратившейся академической деятельности. Высочайше утверждённое в августе 1905 года Совецание по вопросу об условиях открытия занятий в высших учебных заведениях, в заседании 11 августа, признавая, что глубоко прискорбные беспорядки в высших учебных заведениях явились отражением общего разлада русской общественной жизни за последнее время, вместе с тем полагало, что беспорядки эти приняли столь пагубное для русского просвещения развитие и вследствие внутреннего неустройства академической жизни. В виду этого, и принимая во внимание невозможность в ближайшем времени провести новые уставы для высших учебных заведений, Совецание пришло к заключению о необходимости издания ныне же временных правил об управлении названными заведениями, обеспечивающих возможную, при действии нынешних уставов высших учебных заведений, авторитетность и самостоятельность коллегии профессоров в деле ограждения внутреннего строя этих заведений. 27 августа 1905 года издан высочайший указ, пункт 1, которого Советам и факультетам высших учебных заведений предоставлялось избирать ректоров и директоров, деканов и секретарей, а пунктом 2 заботы о поддержании правильного хода учебной жизни возлагались на обязанность и ответственность Советов.

Каковы же были последствия этого вы высшей степени важного мероприятия? Прежде всего, необходимо отметить те особые обстоятельства, которые предшествовали этому акту. Во всех университетах многолюдные и бурные сходки учащихся в конце 1904 года и частью в начале 1905 года вынесли постановления о полном прекращении учебных занятий и о закрытии университетов вплоть до того времени, «когда будет созвано учредительное собрание». Таким образом, учащиеся открыто признали единственною целью волнения и беспорядков достижение политических задач. В этот же период времени и профессора высших учебных заведения, до сих пор только робко и в отдельности, выступавшие с заявлениями о политических задачах своей деятельности, теперь объединившись в большинстве в «академическом союзе», открыто и смело выступают с заявлениями и требованиями политического характера (заявление 343-х) и объявляют об обязанности университетов выступать

открыто во главе политического движения. Затем, «академический союз» выступил в тесное единение с другими, пока ещё тайными союзами, и заблаговременно подготовил план привлечения к политическим «массовым выступлениям» учащихся средней, и даже по возможности и низшей школы.

Эти обстоятельства представляли, так сказать, последствия вышеуказанных мероприятий, заключавшихся в указе 27 августа 1905 года Советы университетов стоящие в большинстве из членов «академического союза», в первых же осенних заседаниях своих, после издания поименованного указа, единодушно решили в самой широкой степени использовать этот акт в целях «освободительного движения». Прежде всего, этот акт был объявлен актом, дарующим университетам полную «автономию», причём автономность толковалась не только как свобода действовать в пределах существующего закона, но и как свобода предпринимать действия, даже противоречающие закону, лишь бы эти действия можно было истолковывать как клонящиеся к «успокоению» учащихся и к поддержанию между ними «порядка». В конце концов, автономия, так понимаемая, открыто, обращена была Советами в «захватное право», а понятие «автономности» расширено до понятия «экстерриториальности» или «государства в государстве». Соответственно с таким пониманием «автономии» университетов «академический союз» профессоров выработал свой собственный университетский устав и предложил Советам принять его к руководству немедленно, не дожидаясь отмены действующего устава 1884 года. Академический союз постарался затем дать до некоторой степени даже официальную постановку своему уставу, проведя этот устав через особое совещание профессоров, состоявшееся в 1906 году под председательство бывшего министра народного просвещения графа И.И.Толстого, опираясь на этот устав, Советы университетов и до сего дня, по мере возможности, стараются обходить устав 1884 года, и даже прямо нарушать те или иные статьи его, стоявшие на пути к известным целям.

В числе важнейших мероприятий «автономных» Советов, предпринятых для «успокоения учащихся и поддержание порядка» приходится отметить следующие.

Прежде всего, признана была упразднённой власть Попечителей учебных округов, и Советы стали сношаться непосредственно с министерством, и то лишь в тех случаях, когда Советы считали это почему-либо нужным; иначе и власть министра признавалась упразднённой. Инспекция была немедленно упразднена от исполнения обязанностей, и всякий надзор за порядком был уничтожен, с возложением обязанности блюсти за порядком на самих студентов. Возвращены были в университеты все студенты, «пострадавшие» за беспорядки, и установлен приём евреев без процентного ограничения (эта последняя мера многими Советами отставалась как первая и необходимейшая для восстановления порядка); вместе с тем был объявлен самый широкий доступ в университеты для «всех жаждущих высшего образования», и под этим предлогом в университеты были допущены в самых широких размерах не только «вольнслушатели», но и «вольнслушательницы», без различия их образовательного ценза. Все университеты, таким образом, переполнились до крайних пределов массами молодёжи, с которой, уже по одной численности, невозможно вести никаких правильных учебных занятий. Наряду с этим Советы всех университетов

упразднили курсовую систему преподавания, обязательную по уставу 1884 года, (бывшую обязательной тоже и по уставу 1863 года) и поспешно, без обдуманного плана, вводят так называемую «предметную» систему преподавания и экзаменов; с введением этой системы порядок преподавания окончательно разрушается и, под видом свободы слушания, узаконяется свобода полного ничего неделания в учебном смысле.

Но нельзя думать, что все указанные мероприятия автономных Советов, проводились в поспешности и по неопытности в деле самоуправления, без каких либо определённых целей. Переполнение университетов слушателями всякого рода, хотя бы совершенно неподготовленными к восприятию науки, являлось сознательной мерой, ведущей к «сосредоточению в больших центрах интеллигентной молодёжи», в целях политического воспитания и использования этих организованных масс в нужный момент, для дела революции; таков план главного революционного штаба, и он в точности выполняется послушными автономными Советами. Даже введение предметной системы соответствует этому плану: как высказано, было на обще студенческих организационных сходках, система эта одобряется студенчеством, так как она даёт возможность студентам, не обременяя себя учебными занятиями, посвящать свои силы на служение главному делу настоящего момента «освобождению народа».

Для обеспечения планомерной и успешной деятельности автономных Советов в целях «освободительных» академический союз принял все меры к тому, чтобы в Советах всех высших учебных заведений получили безусловное численное преобладание члены этого союза, и чтобы все административные должности сосредоточивались в руках этих же членов. Для осуществления этой цели при всяких выборах члены так называемых «левых» партий Советов не пренебрегают никакими средствами для проведения «своих» и для устранения «правых». В этих случаях Советы не брезговали даже поощрением студенческих бойкотов против неугодных лиц. Выборные «недоразумения» и до настоящего дня не прекратились. Опасаясь, что в отдельных факультетах и в отдельных учреждениях университета может составиться «правое» большинство, Советы университетов с первых же дней «автономии» позаботились, хотя и в явное нарушение устава, подчинить своему контролю и опеке, как факультеты, так и Правления, не позволяя этим учреждениям исполнять свой круг действий, установленный законом, без ведома и санкций советских комиссий и самих Советов. Такими средствами господство в университетах академического союза было прочно обеспечено, и до настоящего времени ни в одном из университетов (за исключением разве университета св. Владимира) «правые» профессора не могут оказывать никакого влияния на ход дела в Советах; там же, где на отдельных факультетах образовалось большинство «правых», эти факультеты принуждены истощать свою энергию в борьбе с Советами.

Упрочив своё господство в Советах, члены академического союза, прикрываясь авторитетом безличной коллегии, выступили открыто в политической роли. Всякие проявления общественных неурядиц вызывали неизменно сочувственный отклик как в отдельных членах Советов, так и в лице лояльных Советов. Целый ряд профессоров разных университетов приобретает громкую известность участием речами и действиями на митингах и в беспорядках толпы; члены «советских

комиссий», принимая активное участие в революционных выступлениях толпы в разных городах, являются посредниками между толпой и административными властями, предъявляя к этим последним разного рода «требования», клонящиеся к обеспечению участникам беспорядков полной безнаказанности. Советы университетов, внимательно следя за ходом общественной смуты, не пропускают ни одного случая, чтобы выразить или «протест против произвола властей» или даже заявить «требование», например о снятии военного положения, об обуздании «произвола» администрации и так далее. Действия административных властей пытавшихся изъять университеты из-под власти разнузданной толпы, служили Советам особенно излюбленным поводом для посылки протестующих телеграмм и даже целых депутатов в Петербург для более обстоятельного выяснения кому следует «преступности местной администрации», покушающейся на высочайше дарованную автономию. Вообще, действия некоторых лиц профессорских коллегий носили в известный период автономии такой характер, которым определяется их подведомственность уголовному суду, к которому и пришлось действительно обратиться министерству народного просвещения относительно административных лиц некоторых университетов.

При таком настроении большинства членов Советов высших учебных заведений, каковы должны были быть их «заботы о поддержании правильного хода учебной жизни» возлагавшие указом 27 августа 1905 года на обязанность и ответственность Советов? Первая забота со стороны Советов в этом направлении выразилась в том, что обязанности наблюдения за порядком и ответственность за его сохранением они перенесли с себя на самих студентов, объявив им торжественно, что никаких иных мер воздействия на учащуюся молодёжь, кроме нравственного авторитета, Советы не признают и не намерены употреблять. Рядом с этим Советы объявили своим долгом предоставить студентам совершенно свободно «кристаллизоваться» в какие угодно группы и организации, не исключая чисто политических, так как, по мнению академической коллегии, в задачи университетов должно входить не только научное образование молодёжи, но и «политическое воспитание будущих граждан». Для того, чтобы «кристаллизация» могла беспрепятственно осуществляться, Советы объявили полную свободу собраний и сходов в стенах учебных заведений, предусмотрительно указывая при этом, что Советы не считают полезным обставлять порядок собраний «излишней регламентацией», полагаясь на чувство такта у самих учащихся.

Легко предвидеть, каким ходом пошла академическая жизнь при таких заботливых и предусмотрительных мероприятиях Советов. Возобновление учебных занятий и теперь, несмотря на дарование «автономии» признано было неуместным в виду «требований политического момента», в университетах водворилась «революционная наука», требовавшая полного прекращения учебных занятий и широкого использования университетских помещений для митингов и рефератов в целях просвещения, как учащихся, так и посторонней толпы в приёмах революционной борьбы. Нечто невозможное отвратительное представляли из себя наши университеты, отданные во власть дикой толпы, в конце 1905 года и в начале 1906 года выборные ректоры и профессорские коллегии спокойно взирали на устроенные оргии, происходившие на их глазах и бережно охраняли всех участников оргий безразлично, - были ли это учащиеся

или совершенно чуждые университету лица, от неприятности со стороны администрации, а в опасных случаях от имени Советов пускали в ход громкие «протесты» и «требования» по поводу тех или других действий администрации, отнимавших у профессоров и учащихся спокойствие духа, столь необходимое для научных занятий.

«Кристаллизация» учащихся шла также полным ходом: все оттенки политических партий, существовавшие вне университета, нашли себе полное и точное отражение и в студенческих партиях, причём преобладающими здесь, как естественно ожидать, оказались крайние левые политические партии социал-демократы и социалисты-революционеры. Эти две преобладающие не столько впрочем по числу, сколько по своей организованности и сплочённости, партии поспешили захватить в свои руки всё студенчество и организовать его согласно идеалам двух главных социалистических толков. Прежние обще студенческие организации были объявлены устарелыми, и на их место стали новые, под разными названиями: «коалиционный совет», «центральный орган», «совет представителей», «делегатское собрание» и тому подобное. Эти организации, будучи образованы крайними левыми партиями, объявили себя обще студенческими органами и стали диктаторски распоряжаться жизнью своего университета.

«Младшие товарищи» - студенты социал-демократы и социалисты-революционеры поняли автономию ещё своеобразнее и шире, чем их «старшие товарищи» - профессора, принадлежащие большей частью к партии кадетов: центральные органы недвусмысленно изъясняли своим примером, что автономию они понимают лишь в том смысле, что профессорские коллегии должны подчиняться воле студенчества. И профессорские коллегии согласились с таким толкованием и подчинились центральному студенческому органам. Произошло нечто невероятное: центральные органы отдавали приказания Советам профессоров и эти последние раболепно прислушивались к «голосу студенчества», не гнушаясь даже в иных случаях идти на суд этого студенчества. Центральные органы открывали и закрывали университеты, назначали празднование тех или других «годовщин», диктовали условия приёма в студенты и посторонние слушатели, распоряжались порядком слушания лекций и производства экзаменов, назначали стипендии и пособия, подавали свой голос при собраниях профессоров и должностных лиц, требовали и иногда осуществляли участие представителей студентов в факультетских собраниях и в Совете, приказывали Советам возбуждать те или другие протесты и так далее. Советы университетов, униженно подчинившись центральному органам, старались сохранить тень своего позорно-утраченного авторитета только тем, что прикрывали наготу своих постановлений, продиктованных студентами, пустыми фразами, выражавшими будто бы заботы Советов о благе учащихся, и неизбежной ссылкой на «высочайше дарованную автономию».

Пользуясь позорной слабостью и даже попустительством Советов левые студенческие организации превратили университеты в настоящие очаги революции: здесь стали читаться лекции «О тактике уличной борьбы», производились сборы на «вооружение» и на поддержание революционных организаций, обсуждались планы убийства и ограблений, устраивались склады революционной литературы и даже, в иных случаях, склады оружия и разрывных

снарядов; студенты, бросая науку, отдались пропаганде революции и приняли усердное активное участие в разного рода революционных предприятиях.

Таковы были ближайшие последствия мероприятия, заключающегося в указе 27 августа 1905 года. Совершенно не оправдались ожидания одного из членов Совещания 11 августа 1905 года, особенно горячо отстаивающего мысль о предоставлении Советам высших учебных заведений прав внутреннего распорядка академической жизни и дела устройства студенчества «на началах самостоятельности и ответственности за порядок» и высказывающего убеждение, что «профессорские коллегии», сознавая свою ответственность и фактическую и нравственную перед государством и обществом, и побуждаемые вполне понятным самолюбием приложат, без сомнения, всю свою энергию и весь свой авторитет на «восстановление правильного течения академической жизни».

Когда в обществе стали стихать революционные эксцессы, некоторое затишье наступило и в высших учебных заведениях. Центральные органы объявили, наконец, что политический момент допускает учебные занятия в университетах, и под условием признания «примата революции» и с тем, что в нужную минуту университеты вновь будут переданы «революционному народу». Министерство народного просвещения, видя все ужасные последствия «автономии» высших учебных заведений и не имея оснований ожидать, что Советы предпримут, наконец, какие-нибудь действительные меры к обузданию разнузданного студенчества, вынуждено было предпринять со своей стороны меры для упорядочения разрушенной академической жизни и для введения какого-нибудь порядка в студенческие организации и собрания. Но задача эта оказалась далеко не лёгкой и профессорские коллегии и организованное студенчество тотчас же дали понять, что они будут упорно защищать ими завоеванные свободы от посягательства министерства. Студенческие органы по прежнему, от времени до времени, продолжали показывать свою власть и над студентами и над профессорскими коллегиями, а эти последние продолжали трусливо прятаться за «автономию». Революционная пропаганда продолжалась невозбранно в студенческих кружках и обществах и на сходках; многочисленные сходки и собрания членов всевозможных кружков наполняли всё время, и для учения почти не было места; по временам глухая работа революции внутри университетов разрешалась неожиданным треском, отдававшимся и вне их стен. Чтобы положить какой-нибудь предел для безграничного широкой деятельности студенческих обществ и собраний, министерство народного просвещения пошло летом 1907 года в Совет министров с проектом особых правил относительно студенческих организации, и устройства в стенах высших учебных заведений собраний. Правила эти были одобрены Советом министров и высочайше утверждены 11 июня 1907 года.

Но и эти правила, редактированные притом, к сожалению, в некоторых пунктах не вполне ясно и определённо, не принесли ожидаемых результатов. Прежде всего, и учащиеся и профессорские коллегии отнеслись к новым правилам с нескрываемой враждебностью, усматривая в них первый к ограничению автономии и к отнятию «завоеванных свобод». Осенью 1907 года, серьёзно дебатировался вопрос, как реагировать на эту реакционную попытку правительства. Но затем, вникнув в дело, и младшая и старшая коллегии сообразили, что новые правила,

не так уж страшны и при умелом пользовании ими не только не опасны для «свобод», но даже могут быть полезными в том смысле, давая законные основания тому, что до издания правил считалось всё таки не вполне, по крайней мере, легальным. Истолкование правил 11 июня 1907 года так же широко и своеобразно, как и указ 27 августа 1905 года, Советы высших учебных заведений стали свободно легализовать все бывшие уже раньше и вновь возникающие студенческие организации, нисколько не справляясь о том, какие цели преследуют эти организации. Таким образом, Советы утверждают свободно даже такие уставы организаций, в которых открыто, выражается и политические задачи этих организаций; совершенно свободно разрешают Советам сообщество студентов, преследующие цели национал-политические (большей частью под названием землячеств). Даже центральный орган студентов, который до изданий правил 11 июня профессорская коллегия опасалась легализовать и только считалась с его фактическим существованием, теперь легализуется, по крайней мере Советами Санкт-Петербургского и Харьковского университетов, в виде факультетских старост и факультетских представителей, причём советы обоих названных университетов прибегают к самым невероятным софистическим приёмам, чтобы убедить себя и других в том, что этот орган обще студенческого представительства не есть, под другим названием, непосредственное продолжение «центрального органа», и что легализация его нисколько не противоречит правилам 11 июня. Сами студенты в этом случае держатся корректно и прямее: они не скрывают, что их «факультетские старосты» и «представители» организованы в Совет старост и представителей, а эти «Советы» являются исполнительными органами и «правительством» от «верховой студенческой власти» - общестуденческой сходки. Эти органы студенческого «правительства» по прежнему избираются по спискам политических партий, по способу четырёхчленной формулы, причём однако партии стоящи правее кадетов, от выборов устраниаются; по прежнему эти органы действуют от имени всего студенчества и руководят им во всех отношениях, не останавливаясь перед насилием; как и прежде они раздают стипендии и пособия только людям своих партий; как и прежде они диктуют свою волю коллегиям профессоров, а также ректорам и проректорам и предписывают своим «руководителям», когда им следуют выступать с протестами и заявлениями.

Студенческие «собрания», то есть сходки разрешаются ректорами и проректорами всегда, когда этого потребуют сами студенты; поэтому сходки и после издания правил 11 июня происходят ежедневно и по несколько сходок в день и считаются поэтому несколькими сотнями за одно полугодие. предметы сходок самые разнообразные, но большей частью совершенно не имеющие характера академических вопросов; при этом студенты не гнушаются официально заявлять ректору или проректору совершенно невинные предметы для обсуждения на собраниях, а затем переходят к каким угодно предметам.

При таком понимании правил 11 июня и при таком отношении к ним со стороны профессорских коллегий и учащихся естественно, что ещё в самом начале применения правил в различных высших учебных заведениях возникли «некоторые сомнения» для разъяснения которых министерство народного просвещения снова обратилось в Совет министров. Когда эти разъяснения были даны в высочайше утверждённом 14 ноября 1907 года положении сего Совета в том смысле, что во-

первых, на начальство учебного заведения лежит обязанность быть постоянно осведомлённым обо всём происходящем на собрании и немедленно являться туда для принятия соответствующих мер, как скоро участники его обнаруживают намерение нарушить установленные для таких собраний правила. Во-вторых, правила 11 июня не применимы к посторонним слушателям и слушательницам и поэтому эти лица не имеют права ни образовывать предусмотренные правилами организации, ни участвовать в разрешённых организациях и частных собраниях студентов – Советы некоторых университетов и других высших учебных заведений министерства народного просвещения тотчас же выступили с протестами против этих новых правил, и с решительным отказом проводить их в исполнение. Вследствие этого мне пришлось особым предложением от 18 февраля сего года за №-4126 энергично напомнить протестовавшим начальствам и Советам, что они должны исполнять высочайшее повеление.

Точно также по вопросу о «факультетских старостах» в петербургском университете, по поводу которого уже предшественник мой начал вести переписку с названным университетом, не признавая за Советом права легализовать организацию обще студенческого представительства на основании правил 11 июня 1907 года, Совет Петербургского университета выступил с резкими возражениями, когда я решительно отказал в допущении этой организации. Другие высшие учебные заведения Петербурга также, было начали вести агитацию по этому вопросу, угрожая общими волнениями. Несколько позже точно также поступил и Совет Харьковского университета, вследствие моего отказа допустить организацию «факультетского представительства» в этом университете.

Вообще, Советы университетов и других высших учебных заведений министерства народного просвещения, не обнаруживая со своей стороны ни малейших признаков желания упорядочить в действительности ход учебной жизни, встречают протестами и резкими возражениями всякие меры, принимаемые министерством в этих целях. Так циркулярное распоряжение министерства от 16 мая сего года за №-12179 имеющее целью, хотя до некоторой степени устранить крайне вредную для самих же учащихся переполненность учебных заведений, частью путём устранения из университетов совершенно незаконно попавших туда лиц (как вольнослушательницы и многие посторонние слушатели), частью путём более строгого отбора воспитанников других средних учебных заведений, кроме гимназий (как семинаристов), возбудило тотчас же протесты и даже требования отмены названного циркуляра со стороны Советов почти всех университетов.

Циркулярное распоряжение моё от 16 мая за №-12180, заключающее в себе требование, во-первых, о том, чтобы Советы не утверждали уставов студенческих организаций, кои заключают в себе статьи, отклоняющиеся от академических задач, или содержат неясное определение целей и задач организаций или способ осуществления означенных целей. И, во-вторых, о том, чтобы ректоры разрешали студенческие собрания лишь по поводу совершенно определённых и не противоречащих академическим задачам предметов, не в учебное время и в небольшом числе, вызвало резкое и бестактное возражение со стороны Совета Московского университета, с обычной ссылкой на указ 27 августа 1905 года.

Продолжать бесполезные пререкания с Советами высших учебных заведения я не считаю возможным. Советы эти явно не желают выполнять действительной обязанности, возложенной на них указом 27 августа 1905 года, и следовать прямым указаниям этого законодательного акта; вместо этого Советы предпочитают руководствоваться лишь своими произвольными толкованиями названного закона, в целях оправдания, как своих собственных незаконных притязаний и действий, так равно и таковых же притязаний и действий учащихся. Равным образом Советы, не считая нужным руководствоваться прямыми указаниями правил 11 июня 1907 года предпочитают пользоваться этими правилами только в тех случаях, когда представляется надобность путём истолкования неясностей этих правил оправдать какую-нибудь незаконность.

Указ 27 августа 1905 года и правила 11 июня 1907 года не принесли ожидаемых благих последствий для дела восстановления нормальной академической жизни, напротив, оба эти акта послужили средством для упрочения в академической среде учащихся и учащихся таких навыков, которые грозят ещё надолго сделать невозможной нормальную академическую жизнь. Интересы политики и политиканство пустили глубокие корни в среде профессоров и студентов. Бурные проявления «освободительной» деятельности университетов в настоящее время прекратились, но не прекратилась сама деятельность. Она идёт пока в тиши, но полным ходом: организационная работа среди студенческих политических партий, под руководством опытных «учителей» расширяется и углубляется; эта работа направлена теперь не только к тому, чтобы непрерывно держать массы учащихся в полной готовности к выступлению в бой в любой момент, но также и к тому, чтобы привить учащимся прочные привычки к тому общественному строю, который является идеалом социалистических партий – чтобы воспитать «граждан» и «гражданок» чаемого социалистического государства, и чтобы таким путём ускорить наступление этого земного рая. Отсюда объясняется та необыкновенная горячность, которая в последнее время проявляется учащимися в деле устройства разнообразных обществ взаимопомощи, кооперативов и тому подобное по правилам социалистического катехизиса, все эти учреждения вместе с учреждениями общестуденческого схода и их исполнительных органов – Советов старост, с выборами по правилам четырёхчленной формулы предваряют в миниатюре наступление желанного для левых партий государственного строя в России. Советы университетов добровольно или поневоле, это безразлично, прикрывают эту работу политических партий хитроумными толкованиями указа 27 августа 1905 года и Правил 11 июня 1907 года, и, смотря по обстоятельствам, то протестуют и дерзко возражают министру, опираясь на эти законодательные акты, то успокаивают недоверчивость того же начальства и общества идеалистическими картинами той небывалой жажды к учению, которая развилась в учащихся под благодетельным покровом «автономии».

Необходима борьба с этой работой революционных партий в наших высших учебных заведениях. Но эта борьба должна быть очень серьёзной, так как революция не уступит легко этой самой ценной добычи. Уже при первых попытках вырвать высшую школу из рук «товарищей», раздаются вопли ярости и негодования во всей левой печати.

Самой естественной мерой борьбы и действительным средством радикального оздоровления школы была бы теперь замена временных правил постоянным законом, издание нового устава, в котором точно определялись бы границы «автономии» как для профессоров, так и для студентов. Но при современных условиях законодательства проведение нового устава потребует, несомненно, значительного времени. Между тем необходимо принятие немедленных мер, для предотвращения легко могущих возникнуть вновь крупных беспорядков в высших учебных заведениях с началом наступающего учебного года. Существенными мерами в этом направлении я считаю следующее:

1. Устранение путём определения точного смысла указа 27 августа 1905 года возможности произвольного толкования этого закона профессорскими коллегиями;
2. Совершенное удаление из стен высших учебных заведений – всяких студенческих организаций и собраний.

Źródło: Российский Государственный Исторический Архив, zeszp. 73, inw. 226, sygn. 137, k. 24 – 34.

Streszczenie

Aleksandr Aleksiejewicz Żurawlow

Notatka ministra oświecenia ludowego Aleksandra Nikołajewicza Szwarca o organizacjach studenckich.

Publikowany dokument został napisany przez ministra oświecenia ludowego A.N. Szwarca. Przedstawia w nim swoje poglądy na niezbędne działania prowadzące do zaprowadzenia porządku w wyższych szkołach. Dokument jest przechowywany w Rosyjskim Państwowym Archiwum Historycznym w Sankt Petersburgu. Dokument pozwala poznać poglądy władz na role studentów w ruchu rewolucyjnym na początku XX wieku. W tym samym czasie ministerstwo dążyło do wprowadzenia przepisów, które uniemożliwiałyby wciąganie studentów do organizacji rewolucyjnych. A. N. Szwarz zanim został ministrem był w okresie 12 VI 1902 - 19 IX 1905 Kuratorem Warszawskiego Okręgu Naukowego.

Summary

Aleksandr Alekseyevich Zhuravlov

Note by the Minister of Education Alexander Nikolaevich. Shvarts about student organizations

This document is a letter of Minister A. Shwarz, dated 1908, in which he proposes actions, that he thought were integral to restoring control of the universities in the years after first Russian revolution (1905-1907). It helps to understand how government officials viewed students' participation in revolutionary events during the first decade of XX century, and how they planned to control students' involvement. Document is stored in Russian State Historical Archive (Saint-Petersburg). A. N. Shvarts before was a minister he served as a Curator Warsaw School District in the period form 12 June 1902 to 19 September 1905.

